УДК 316.34(091)

АЛЕКСЕЕНОК А.А.,
УХОРСКИЙ М.В.

Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества

В данной статье нашли отражение материалы, посвященные исследованию становления и развития социальной структуры современного российского общества, выделены в ней три этапа – дореволюционный, советский и современный и описаны особенности и характерные черты каждого из этапов.

Ключевые слова: социологическое исследование, социальная структура, перепись населения, динамика численности населения, социальные слои, сословия, классы, миграция населения, этнический состав населения, социально-профессиональный состав населения.

Социальная структура современного российского общества представляет собой сложное, неустойчивое объединения с множеством социальных слоев, значительно отличающихся друг от друга по ряду показателей. В данной статье остановимся на особенностях ее становления и развития. Ретроспективный анализ истории становления и развития социальной структуры современного российского общества позволяет выделить в ней три основных этапа – дореволюционный, советский и современный.

В период до Октябрьской революции 1917 г. в России существовало деление общества на сословия (привилегированные и податные) – социальные группы с закрепленными законом или обычаями наследственными правами и обязанностями. Различия между ними заключались в правах на государственную службу и чинопроизводство, на участие в государственном управлении, на самоуправление, правах по суду и отбыванию наказания, правах на собственность и торгово-промышленную деятельность и, наконец, правах на получение образования.

Изначально (в XVI–XVII вв.) сословные группы на Руси были сравнительно многочисленны, отличаясь друг от друга слабо развитой корпоративной организацией и не слишком четкими разграничениями в правах. Петровские реформы, а также законодательная деятельность преемников Петра I, в особенности Екатерины II, привели к консолидации сословий, способствовали формированию сословно-корпоративных организаций и учреждений, укреплению межсословных перегородок.

К началу XX в. территория России выросла до 22,2 млн. кв. км. В административном отношении страна была разделена на 97 губерний, по 10–15 уездов каждая. По данным переписи 1897 г., население России составляло около 126 млн. человек. Перепись населения представляла собой первую попытку структурировать российское общество и проанализировать качественный и количественный состав его слоев. Всеобщая перепись населения

Российской империи (без Великого княжества Финляндского за пределами Гельсингфорса) была проведена 28 января 1897 года путём непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату, в соответствии с Высочайше утверждённым в 1895 году «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской Империи». Инициатором проведения переписи выступил русский географ и статистик П.П. Семёнов-Тян-Шанский.

Перепись 1897 года оказалась первой и единственной всеобщей переписью населения Российской Империи. Она обошлась государству в 7 млн. рублей, ее результаты были опубликованы в 89 томах (119 книг) под заглавием «Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года»[1]. По Положению от 5 июня 1895 года, перепись должна была собирать 14 признаков о каждом лице, живущем в пределах страны: 1) имя, 2) семейное положение, 3) отношение к главе хозяйства, 4) пол, 5) возраст, 6) сословие или состояние, 7) вероисповедание, 8) место рождения, 9) место приписки, 10) место постоянного жительства, 11) родной язык, 12) грамотность, 13) занятие, 14) физические недостатки[2].

По данным переписи, в городах проживало 13,4% населения. Крупнейшим городом был столичный Санкт-Петербург, затем следовала Москва. Население этих городов насчитывало более миллиона человек. Уровень грамотности составил 21,1%, причем среди мужчин он был существенно выше, чем среди женщин (29,3% и 13,1% соответственно). По вероисповеданию крупнейшие конфессии, в порядке убывания, составили православные – 69,3%, магометане (мусульмане) – 11,1%, римо-католики – 9,1% и иудеи – 4,2%. По родному языку крупнейшие языковые группы, в порядке убывания, великороссы (русские) – 44,3%, малороссы (украинцы) – 17,8%, поляки – 6,3%, белороссы (белорусы) – 4,3%, евреи – 4,0%.

Данные Всероссийской переписи 1897 г. говорят о том, что с точки зрения сословного положения, население российского социума распределялось следующим образом: 99,8 млн. (71%) составляли крестьяне; 13,4 млн. (10,7%) – мещане; 1,7 млн. (1,5%) – потомственные (имевшие право передавать титул по наследству) и личные (не обладавшие таким правом) дворяне; 624 тыс. (0,5%) – купцы и почетные граждане; 589 тыс. (порядка 0,5%) – духовенство; около 1 млн. (0,8%) – «прочие» («инородцы», деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности)[3]. При этом специфику российского общества составляли более широкие, чем во многих европейских странах, возможности перехода из одного сословия в другое, в том числе повышение сословного статуса через государственную службу, а также активное включение в состав привилегированных сословий представителей вошедших в Россию народов.

После реформ 1860-х гг., ближе к началу XX века, значение межсословных различий постепенно уменьшилось, что было связано с формированием социальных классов промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. Однако переход от сословной структуры к структуре классовой так и не был завершен в России в дореволюционный период: окончательно сословные различия и привилегии были упразднены в стране лишь после Октябрьской революции 1917 г.

Социальная структура в преддверии революции отражала еще не завершившийся процесс становления в стране индустриального, буржуазного общества. Многоукладность экономики обусловливала обилие социальных слоев и групп, большое число лиц с временным социальным статусом в социальной структуре общества.

На положении первого сословия империи по-прежнему находилось дворянство, сохранившее свой привилегированный статус. Вместе с тем экономическая сила этого класса-сословия, многие представители которого оказались не в состоянии приспособиться к процессу капиталистической эволюции российского народного хозяйства, неуклонно падала. «Оскудение» дворянства громко заявляло о себе, в частности, быстро прогрессировавшим размыванием среднего и мелкопоместного землевладения. Однако, несмотря на ослабление экономи-

ческих позиций поместного дворянства, оно по-прежнему было сильно своими связями с монархией и бюрократией, своими сословными организациями, влиянием в местном самоуправлении.

К привилегированным сословиям относились также почетные и именитые граждане (потомственные и личные). Эти небольшие сословия включали в себя «верхи» горожан. Особым сословием являлось духовенство. В его состав входили служители Русской Православной Церкви – черное (монашествующее) и белое (проповедующее в миру) духовенство. Церковь пользовалась непререкаемым авторитетом в вопросах культуры, образования и воспитания. Хотя в России не было запрещенных религий, Русская Православная Церковь находилась на привилегированном положении.

Гильдейское купечество (I, II, III гильдий) составляло около 1,5 млн. человек. Представителями этого сословия были крупные российские предприниматели и финансисты. Политически Российское купечество было бесправным, хотя играло видную роль в органах местного самоуправления – земствах и городских думах. Значительную часть городского населения составляли мещане – лавочники, ремесленники, рабочие, служащие.

К сельским сословиям относились крестьяне, однодворцы и казаки. Крестьянство (около 82% населения России) было политически бесправным, в то же время являясь основным податным сословием. До аграрной реформы 1906–1910 гг. крестьяне не могли свободно распоряжаться своими наделами и платили выкупные платежи, подвергались телесным наказаниям (до 1905 г.), на них не распространялся суд присяжных. Малоземелье вынуждало крестьян арендовать землю у помещиков на испольной или издольной основе. Инициативность крестьянства сковывала и община. Выйти из общины можно было только с разрешения мирского схода. Основная масса крестьян была неграмотной. Под влиянием капиталистической эволюции сельского хозяйства ускорилось социальное расслоение крестьян: 3% превратились в сельскую буржуазию (кулаки), около 15% стали зажиточными (середняки). Они не только занимались сельским трудом, но и богатели за счет ростовщичества и мелкой торговли в деревне. Остальная масса вела натуральное хозяйство и служила источником наемной рабочей силы в деревне (батраки) и городах. Несмотря на разницу в положении зажиточных и бедняков, все крестьяне боролись против помещичьего землевладения. Аграрно-крестьянский вопрос оставался наиболее острым в политической жизни страны.

Особое военно-служилое сословие составляли казаки. Они были обязаны нести военную службу в течение 20 лет. Казачество имело право на землю и сохраняло определенные традиции казачьего круга. При этом многие права и «вольности» казачества были уничтожены при Екатерине II. Казаки составляли особые войска – Донское, Кубанское, Уральское и другие.

Однодворцами (хуторянами) называли сельскохозяйственное население западных губерний, где не существовало общинной системы земледелия (Прибалтика – хутора). «Отменить» сословия в России одним махом было практически невозможно. Однако в начале XX в. мы видим и элементы новой России – буржуазию, рабочий класс (формировавшийся в основном из крестьян) и интеллигенцию.

Форсированная капиталистическая эволюция страны превратила буржуазию в самый мощный экономически класс российского общества. Слой средних предпринимателей при этом был весьма тонок, а сама капиталистическая элита – немногочисленна. В 1905 г. годовой доход от торгово-промышленной деятельности на сумму свыше 20 тыс. руб. получали лишь 12 377 человек. И в начале XX в. торговые элементы в составе российской буржуазии преобладали над промышленными. Промышленная буржуазия сформировалась в немногих крупнейших экономических центрах и в основном на базе отраслей легкой индустрии. Важнейшим центром притяжения национального промышленного и торгового капитала стала московская буржуазия, сложившаяся на

основе стихийного, естественного роста капитализма «снизу».

Московские предприниматели (Рябушинские, Морозовы, Мамонтовы и др.) обладали многомиллионными состояниями и успешно претендовали на роль лидеров российского делового мира. Однако в представителей финансовой олигархии они еще не превратились, оставаясь владельцами крупных семейных предприятий. Узкий слой российской финансовой олигархии формировался главным образом за счет петербургской буржуазии, сложившейся в основном в результате «насаждения» капитализма сверху и оперировавшей в сфере тяжелой индустрии. Среди представителей петербургского делового мира преобладали не потомственные российские предприниматели, как в Москве, а выходцы из среды технической интеллигенции, чиновничества, а также иностранные капиталисты. Представители этой группировки российской буржуазии были теснейшим образом связаны с царской бюрократией.

Быстрый рост российской индустрии в конце XIX – начале XX в. сопровождался ростом численности промышленного пролетариата. В 1913 г. в стране насчитывалось 4,2 млн. фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих (общая численность пролетариата равнялась 18 млн. человек). Состав рабочего класса России был неоднороден. В крупной промышленности преобладали потомственные пролетарии. В строительстве, на водном транспорте и т.п. было много недавних выходцев из деревни. В целом связь рабочих с сельским хозяйством неуклонно ослабевала, а доля тех, для кого труд в промышленности был основным занятием, увеличивалась. При этом более половины промышленных рабочих было сосредоточено на крупных предприятиях. Очень быстрыми темпами росла численность лиц, занятых неквалифицированным трудом (чернорабочие, поденщики и т.п.). Доля высококвалифицированных и соответственно высокооплачиваемых рабочих была сравнительно невелика. Средний заработок в обрабатывающей промышленности существенно повысился после революции 1905–1907 гг., составив в 1913 г. около 24 руб. в месяц (при значительных различиях в зависимости от профессии и квалификации), в то время как прожиточный минимум даже в 1903 г. равнялся в Петербурге 21 руб. для одиноких и 32 руб. для семейных, в Москве соответственно примерно 20 и 30 руб.

Особое место в обществе занимала интеллигенция, рекрутировавшаяся из различных слоев населения. Ее отличали: жертвенность и подвижничество, стремление служить своему народу, но при этом оторванность от народа и власти; социально активная роль – ее представители формировали основные политические партии, разрабатывали идейные доктрины.

Таким образом, в социальной структуре российского общества в первые десятилетия 1900-х годов можно было выделить пять крупных категорий: 1) высший государственно-бюрократический аппарат, генералитет, помещики, банкиры, крупные и средние предприниматели, архиереи церкви, академики, профессора и другие – 3%; 2) мелкие предприниматели, основная часть гражданской и военной интеллигенции, среднее чиновничество, инженерно-технические работники, учителя, врачи, офицерский корпус, священнослужители, мелкие служащие государственных учреждений, городские обыватели, кустари, ремесленники и другие – 8%; 3) крестьяне, казаки – 69%, в том числе зажиточные – 19%, средние – 25%, бедные – 25%; 4) пролетарское население: промышленные, транспортные, сельскохозяйственные и другие рабочие, рыбаки, охотники, прислуга и другие – 9%; 5) люмпенские элементы: нищие, бродяги, уголовники – около 1%.

Главным фактором, повлиявшим на формирование новой социальной структуры, была активная капитализация страны. Формирование новой социальной структуры оказало влияние и на культурное развитие. Вчерашние крестьяне переселялись из деревень в города, вырывались из привычного окружения и осваивали новую среду обитания. Бытовые и культурные традиции, существовавшие в этой среде, не сразу становились достоянием новых го-

рожан. Приобщение людей к новым ценностям шло намного медленнее, чем рост городов. В итоге в фабричных поселках и на рабочих окраинах промышленных центров происходило сосредоточение людей, не уверенных в своем будущем, не дороживших прошлым, смутно ориентировавшихся в настоящем. Составленные такими людьми слои называют маргинальными (от лат. marginalis – находящийся на краю). Они пополнялись не только в ходе урбанизации, т. е. массового переселения в города, но и в результате возросшей в конце XIX в. социальной мобильности (подвижности) в результате того, что существовавшие издавна перегородки и барьеры между разными группами и разными сословиями стали преодолимыми, проницаемыми. Значительно увеличилось количество люмпенских деклассированных элементов, которые, например, в Петербурге составляли примерно десятую часть населения. Эти явления, будучи закономерным следствием быстрой индустриализации, неизбежно оказывались одним из факторов общественной нестабильности, создавая благоприятные условия для распространения самых радикальных идей, в том числе нацеленных на решительный разрыв с прошлым.

Большое влияние оказывали также и национальные проблемы. Незрелость средних слоев, разрыв «верхов» и «низов» обусловливали нестабильное, неустойчивое состояние российского общества, что привело к Октябрьской революции 1917 года, которая повлекла значительные изменения и кардинальные преобразования в социальной структуре российского общества.

Советскому обществу было свойственно социально-классовое устройство, основным критерием которого выступало отношение к средствам производства, предопределявшее роль представителей тех или иных классов в общественной организации труда, а также размер и источники получаемой ими доли общественного богатства.

Согласно марксистской теории классов, социальная структура Советского государства, официальный образ которого характеризовался как образ общества, «в котором есть классы, но нет классовых антагонизмов и классовой стратификации»[4], представлялась знаменитым «трехчленом»: юридически закрепленным в Конституции СССР 1977 г. союзом двух классов, существование которых признавалось официально и ассоциировалось с различными формами социалистической собственности – рабочего класса и колхозного крестьянства, и слоя трудовой интеллигенции, в который попадали люди самых разных категорий – от партийных функционеров до представителей культуры и искусства и малоквалифицированных работников, выполнявших несложные функции умственного труда, отличавшихся и по уровню доходов, и по властным функциям, и по образовательному уровню.

На протяжении ряда десятилетий общее направление социально-структурных изменений как количественного (в пропорциях, удельном весе различных социальных групп и слоев), так и качественного (внутри социальных слоев и в отношениях между ними) порядка обусловливалось процессами индустриализации и урбанизации страны. Одни социальные группы росли быстрее за счет других. При этом основными тенденциями социальной мобильности были следующие: из деревни в город, из колхозного крестьянства в рабочий класс, из всех социальных классов и групп – в интеллигенцию. За 20 предвоенных лет курс на осуществление индустриализации экономики привел к практически троекратному увеличению численности рабочего класса. За три послевоенные пятилетки численность рабочих возросла в СССР более чем в 2 раза[5]. К началу 1950 г. население страны насчитывало 178,5 млн. человек, из которых 69,4 млн. (39%) приходилось на города, а 109,1 млн. (61%) – на сельскую местность. Через 15 лет в Советском Союзе проживало 229,2 млн. человек, причем преобладали уже горожане (121,7 млн., или 53%), тогда как селяне составляли 107,5 млн., или 47%[6].

Снижение доли сельского населения в целом и колхозного крестьянства в частности было связано с ростом городского населения, порожденным научно-техническим

прогрессом, изменением отраслевой структуры занятости, дальнейшим обобществлением колхозно-кооперативной собственности. Неуклонное сокращение численности сельских жителей предопределялось и доминантами социально-экономической политики государства, объяснявшего происходящее закономерными, объективно обусловленными тенденциями дальнейшего развития индустрии, транспорта, механизации и электрификации, большим размахом строительных работ.

По данным исследований, проведенных в 1970–1980-е гг., доля занятых в аграрных отраслях экономики продолжала сокращаться, тогда как доля занятых на промышленных предприятиях, в сферах управления и обслуживания – расти[7]. В эти же годы наметились тенденции существенных – количественных и качественных – изменений не только отдельных классов, но и каждой их структурной составляющей: повышался образовательный и культурный уровень, запросы и потребности людей, трансформировалась гендерная, возрастная и квалификационная структура общества. Увеличение числа лиц с высшим и средним специальным образованием, широкое распространение и высокая доступность которого являлись безусловными завоеваниями социализма, способствовало росту удельного веса работников умственного труда в народном хозяйстве СССР и России. Так, если в 1960 г. в стране насчитывалось 9,9 млн. специалистов и служащих, то в 1985 г. их численность составила 20,9 млн. человек[8]. Таким образом, к началу 1990-х гг. последние представляли значимую (более четверти) часть занятого населения страны.

Более половины из них были задействованы в производственных отраслях народного хозяйства. При этом темпы роста численности специалистов намного превышали темпы роста рабочего класса. Интеллигенция стала массовым слоем российского социума[9]. В конце 1980-х гг. социальная структура советского общества отражала процессы динамичного, сложного и многопланового развития. Большинство занятого населения по-прежнему составлял рабочий класс – на его долю приходилось 62,4% всех занятых в экономике.

Вторую по численности и удельному весу группу представляли служащие (занятые умственным трудом, не требующим высокой квалификации) и специалисты – 28,5%. Около 9% приходилось на долю колхозного крестьянства[10]. Экономические реформы, изменения общественных форм многочисленных социальных институтов рубежа XX–XXI вв. с необходимостью повлекли за собой трансформацию социальной структуры российского общества, равно как и природы ее компонентов – групп и общностей[11].

Процесс формирования новой социальной структуры, ее состава происходил под воздействием трех основных факторов: 1) возникновения новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности (работники кооперативов, предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т.п.); 2) трансформации государственной формы собственности, повлекшей за собой изменение положения традиционных классово-групповых общностей (их границ и количественно-качественных характеристик), возникновение пограничных и маргинальных слоев; 3) появления новых слоев, социоструктурных образований и элиты[12].

В духе концепции социальной стратификации наряду с экономическим типом социального расслоения, традиционно значимым для марксизма, рассматриваются профессиональный и властный (управляющие и управляемые) статусы, престиж (уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки), а также степень адаптации к происходящим переменам. На первый план в качестве дифференцирующего их признака выходит порожденная приватизацией и разгосударствлением экономики многоукладность отношений собственности, но еще более обостряющаяся и углубляющаяся имущественная дифференциация, поляризирующая интересы социальных групп и принимающая в современной России запредельные размеры[13].

Однако, как следует из результатов исследований, проводимых с 2001 г. Ин-

ститутом социологии РАН, на месте существовавших в Советском Союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции в пореформенном российском обществе сложилось 10 социальных слоев (страт), обладающих собственными устойчивыми и при этом обособленными интересами, уровень и качество жизни которых принципиально различны.

В настоящий момент социологам доступен широкий диапазон разнообразных методов и подходов к выделению и описанию формирующих социальную структуру общества страт, или слоев. Используя различные шкалы стратификации, указанные подходы учитывают в качестве составляющих принадлежности к той или иной страте такие критерии, как уровень образования, профессия и квалификация, отношение к собственности, власть, доход, характер внепроизводственной деятельности и другие.

Вместе с тем очевидная специфика российского социума проявляется, например, в том, что в условиях современной России уровень образования или занимаемая должность далеко не всегда являются основополагающими в определении размера дохода или социального статуса. Подобное положение вынуждает отечественных исследователей предлагать иные подходы к стратификации, один из которых опирается на критерии уровня жизни и был разработан специалистами Института социологии РАН.

С учетом данного подхода стратификация может проводиться на базе критерия жизненных шансов в сфере потребления или так называемого индекса уровня жизни, учитывающего широкий спектр не только денежных, но и любых других доступных населению экономических ресурсов (имущественных, жилищных и т.п.), а также возможности удовлетворения групп потребностей, связанных с различными видами внепроизводственной деятельности людей (в рекреации, развлечениях, медицинской помощи, саморазвитии, общении и т.п.).

Исходной гипотезой при построении индекса выступает предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет. Тем самым рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации – испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. При этом расчет индекса производится с использованием следующих групп показателей: субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; имущественная обеспеченность; наличие недвижимости; качество жилищных условий; наличие сбережений; использование платных социальных услуг; досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами[14].

В рамках выявленной на основе описанного выше подхода модели социальной структуры выделяются две первые нижние страты, объединявшие к началу 2009 г. (до активной фазы экономического кризиса) 16% россиян. Это именно та доля населения, которая по своему реальному уровню жизни находится за чертой бедности (первая страта) и у черты бедности (вторая страта). Третья и четвертая страты представляют малообеспеченное население, в составе которого также выделяются две подгруппы. Третья страта – это подгруппа малообеспеченных, носящая промежуточный характер и объединяющая россиян, балансирующих на грани бедности (16%). Данную группу для краткости можно еще называть нуждающимися. В четвертую страту входит та часть россиян, которая живет, можно сказать, на классическом для России уровне малообеспеченности и объединяет более четверти населения страны (27%). Уровень жизни, характерный для этой страты, является и «срединным» для конкретного региона проживания, и модальным, т.е. наиболее типичным. Поэтому данную часть населения можно именовать как собственно малообеспеченные.

Страты с пятой по восьмую, включающие в себя не менее трети населения страны, представляют средние слои российского общества. Заметно различаясь между собой, они могут рассматриваться

как относительно благополучные на общероссийском фоне. Таковыми являются и представители девятой и десятой страт, относимые, по оценкам общественного мнения, к категории богатых, однако принадлежащие, по меркам ведущих западных стран, скорее к верхним слоям среднего класса (6–8%). Представители пятой – десятой страт составляют в совокупности благополучное население страны.

Модель социальной структуры представлена на рисунке 1.

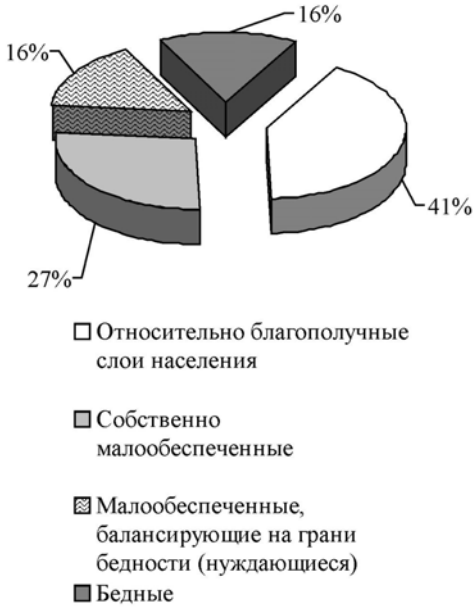

Рисунок 1 – Численный состав различных социальных слоев в российском обществе.

Таким образом, в современной России 59% населения характеризуются тремя основными параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности», тогда как 41% населения представляют относительно благополучные социальные слои.

---

[1] Тройницкий Н.А.Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, 1897 г. Центральный статистический комитет МВД. 1899–1904 гг.

[2] Там же.

[3] Федоров В.А. История России. 1861–1917 гг.: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2009.

[4] Ossowski S. Class Structure in the Social Consciouness. L.: Routledge, 1963.

[5] Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки / Под ред. Л.А. Гордона и Э.В. Клопова. М.: Наука, 1977. С. 20.

[6] Население СССР 1987: Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 8.

[7] Развитие социальной структуры общества в СССР / Отв. ред. В.Н. Иванов. М.: Наука, 1985 и др.

[8] Терентьев А.А. Социальная структура российского общества: прошлое и настоящее. Нижний Новгород: НГПУ, 2003. С. 29–30.

[9] Бляхман А.С., Шкаратан О.И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973.

[10] Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 34.

[11] Социальная стратификация современного российского общества / Отв. ред. Л.А. Беляева. М.: ЦКСИиМ, 1995.

[12] Социология в России / Под ред. В.А. Ядова; 2-е изд., перераб. и дополн. М.: ИС РАН, 1998. С. 119.

[13] Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24–47.

[14] Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.